

A COMPARATIVE STUDY OF THE PROTO-ELAMITE
AND PROTO-SUMERIAN SCRIPTS

by A. A. Vaiman

The author bases his study on examples of proto-Elamite script from Susa (stratum Cb) and late proto-Sumerian script from Uruk (stratum III and Jemdet-nasr), both of which scripts were in use at the beginning of the III millennium B. C. The formal aspects of proto-Elamite and proto-Sumerian texts are compared: the position of the text on the tablet, the carry-over of the text from the obverse to the reverse, the orientation of the signs, and the way they are formed; the signs for numerals in the two scripts are also compared. In the author's opinion, with the exception of numerals, proto-Elamite signs were not genetically connected with proto-Sumerian signs, although, speaking generally, the former script created under the direct influence of the latter (there is no evidence of influence in the contrary direction).

Besides the main variant of the proto-Elamite script, which is known from many Susa texts, the author investigates a less important variant found on a few tablets from Tepe Yahya. This variant, as the author shows, represents a simplification of the main variant.

ни было, является для доистории событием большого значения» (там же, стр. 106). Приведенный выше сравнительный анализ письменных знаков показывает, что утверждения К. К. Ламберг-Карловского, касающиеся датировки текстов их Тепе Яхья, не соответствуют истине. Письменность документов Тепе Яхья не может быть наиболее древней из до сих пор известных хотя бы потому, что она является, несомненно, лишь поздним вариантом протоэламской письменности, ранний вариант которой представлен документами из Суз. В свою очередь ранний вариант протоэламской письменности был создан под прямым влиянием позднего варианта протошумерской письменности и, следовательно, должен быть моложе этого последнего. Таким образом, даты 3500 или 3400—3100 гг. до н. э. применительно к документам из Тепе Яхья надо исключить даже в том случае, если дату 2815 ± 85 г. до н. э. для IVA слоя Урука считать записанной.

К НАХОДКЕ СИНДСКОЙ МОНЕТЫ В МИРМЕКИИ

В 1959 г. при раскопках боспорского города Мирмекия в помещении XLV второй половины V в. до н. э. была найдена серебряная синдская монета ¹. На лицевой стороне ее изображена голова Геракла в львином скальпе, вправо; на оборотной — голова коня вправо в углубленном квадрате, вдоль верхнего края которого начертана надпись ΣΙΝΔΩΝ (рис. 1). Вес монеты — 0,82 г при диаметре около 1,3 см, однако точное определение номинала требует учесть ее плохую сохранность: края изъедены, поверхность сильно потерта от длительного использования. В настоящее время утрачена приблизительно треть металла, следовательно, первоначальный вес монеты был равен 1,25—1,35 г, т. е. соответствовал нижней норме дубола эгинской облегченной системы ². Она обнаружена в культурном слое с ярко выраженным материалом последней четверти V — начала IV в. до н. э., что не противоречит общепринятой датировке синдских монет ³.

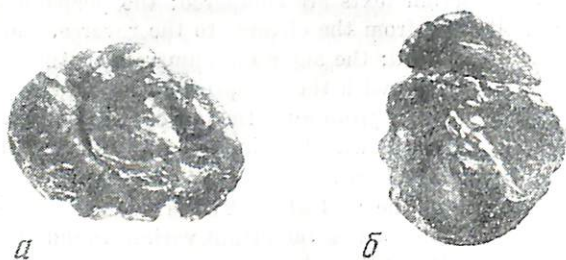
Такая находка в городе, расположенном в европейской части Боспорского государства, представляется явлением исключительным. Все имеющиеся в наличии синдские монеты ныне не имеют паспортов. Лишь кое-какие сведения об их локализации можно встретить в старой археологической литературе. Они сводятся к упоминаниям находок синдских монет на Тамани, т. е. в Гермонассе, или на берегу Таманского залива без

¹ Гос. Эрмитаж, инв. № М. 59.1320. Монета разломана на две части, склеена.

² См. Д. Б. Шелов, Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э., М., 1956, стр. 71.

³ Сопутствующий монете материал хранится в ЛОИА АН СССР. Керамический материал представлен обломками фасосских амфор и чернолаковой керамикой (инв. №№ М. 59. 1308—1319).

точного указания места ⁴. Несмотря на скудость этих данных, можно сказать, что все они непременно ведут в азиатскую часть Боспора. Это вполне естественно с той точки зрения, что именно здесь, на Таманском полуострове, обитали синды, чеканившие, как полагают многие, собственные денежные знаки. В литературе этому вопросу посвящены специальные работы ⁵, передки и отдельные замечания исследователей, признающих синдские монеты одним из самых любопытных и интересных явлений в античной, и в частности боспорской нумизматике.

Действительно, вопрос о племенной чеканке от имени народа в Северном Причерноморье заслуживает серьезного и пристального внимания. Не случайно поэтому синды и все, что с ними связано (данные письменных источников, эпиграфики и археологии), в последнее время изучаются под углом зрения той особой роли в истории Боспора, какую им приписывают некоторые ученые. Исходя из наличия самостоятельной чеканки монеты, они полагают, что синды уже в V в. до н. э. достигли весьма высокой степени экономического, социального и культурного развития, чем выделились из числа других варварских народов, населявших Северное Причерноморье ⁶. Сопоставляя этот вывод с рассказом Поллена о царе синдов Гекатее, утверждают, что у них было развитое государство с монархической формой правления ⁷. Далее, в литературе не раз

⁴ К. К. Герц, Археологическая топография Таманского полуострова, СПб., 1898, стр. 44 сл.; М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, СПб., 1925, стр. 281; Е. А. Пахомов, Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. III, Баку, 1940, стр. 11, № 675; он же, Монетные клады..., вып. VII, Баку, 1957, стр. 12, № 1709.

⁵ А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, 1951, стр. 168 сл.; Д. Б. Шелов, Монеты синдов, КСИИМК, XXX, 1949, стр. 111 сл.; он же, Монетное дело Боспора, стр. 42 сл.; В. П. Шилов, Синдские монеты, СА, XV, 1951, стр. 204 сл.

⁶ Шелов, Монеты синдов, стр. 111; он же, Монетное дело Боспора, стр. 43.

⁷ М. И. Ростовцев, Эллинизм и иранство на юге России, СПб., 1908, стр. 123; В. И. Мошинская, О государстве синдов, ВДИ, 1946, № 3, стр. 203 сл.; Н. В. Анфимов, К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху, СА, XI, 1949, стр. 258; он же, Из прошлого Кубани, Краснодар, 1958, стр. 85; он же, Синдика в VI—IV вв. до н. э., «Труды Краснодарского гос. пед. ин-та», вып. XXXIII, Краснодар, 1963, стр. 195; В. Д. Блаватский, Античная культура в Северном Причерноморье, КСИИМК, XXXV, М.—Л., 1950, стр. 34; он же, Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья, СА, XX, 1954, стр. 32, 35; он же, Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье, сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 11; В. П. Шилов, Население Прикубанья конца VII — середины IV в. до н. э. по материалам городищ и грунтовых могильников, Автореф. дисс., М.—Л., 1951, стр. 13; он же, Синдские монеты, стр. 214; Н. И. Соколовский и Д. Б. Шелов, Историческая роль античных государств Северного Причерноморья, сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья», М., 1959, стр. 54; Д. Б. Шелов, Монетное дело Боспора, стр. 47; Т. В. Блаватская, Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э., М., 1959, стр. 94; Э. Берзин, Синдика, Боспор и Афины в последней четверти V в. до н. э., ВДИ, 1958, № 1, стр. 124; Ф. И. Кругинов, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 373; «История Кабардино-Балкарской АССР», т. I, М., 1967, стр. 48; «Очерки истории Карачаево-Черкессии»,

поднимался и дискутировался вопрос о том, что именно синды были основателями боспорской династии Спартокидов⁸. И наконец, в последнее время в связи с интенсивным изучением древностей Таманского полуострова все чаще говорится о решающей роли их в сложении культуры Боспора вообще⁹.

Таким образом, постепенно «синдский вопрос» обретает все более широкое звучание. Между тем в основе охарактеризованных здесь построений лежит один-единственный аргумент, — а именно прекрасное качество чеканки, — из которого и делаются все дальнейшие выводы. Мы не склонны умалять значения и роли синдов в истории Боспорского государства, однако позволим себе высказать некоторые соображения по поводу интерпретации синдских монет. При этом мы не будем затрагивать сложных проблем развития типологии, заимствования сюжетов, определения серий, номиналов, а также датировки, что, несомненно, является компетенцией исключительно специалистов-нумизматов.

Известно, что наряду с Пантикапеем, непрерывно чеканившим автономную монету с середины VI в. до н. э., на протяжении последней четверти V — начала IV в. до н. э. монету выпускают и некоторые другие города европейского и азиатского Боспора. К ним относятся Феодосия и Нимфей в Крыму, Фанагория на Таманском полуострове. По времени и характеру этим выпускам близка синдская чеканка.

Напомним, что в типологическом отношении синдские монеты составляют три серии:

1. Лиц. ст.: голова Геракла вправо;
об. ст.: голова коня вправо и надпись ΣΙΝΔΩΝ в углубленном квадрате.
2. Лиц. ст.: грифон, сидящий вправо, перед ним зерно; об. ст.: голова коня вправо и надпись ΣΙΝΔΩΝ в углубленном квадрате.
3. Лиц. ст.: коленопреклоненный Геракл с луком;
об. ст.: сова вправо и над ней надпись ΣΙΝΔΩΝ в углубленном квадрате¹⁰.

По единодушному мнению нумизматов все серии синдских монет относятся к последней четверти V в. до н. э., захватывая, может быть, несколько первых лет следующего, четвертого столетия. Критерием такой датировки служит сопоставление их с пантикапейскими монетами последней четверти V в. до н. э., которые на аверсе имеют голову льва вправо, а на реверсе — голову барана вправо, помещенную в неглубоком вдавленном квадрате с надписью ΠΑΝΤΙ над ней¹¹. Что касается других центров, то из двух видов феодосийского серебра к этому времени близки монеты с изображением безбородой головы вправо на лицевой стороне и головой быка вправо и надписью ΘΕΟΔΕΟ в углубленном квадрате на оборотной¹². На монетах Нимфея изображена женская голова влево на лицевой стороне и виноградная лоза с гроздью винограда, над которой

т. I, Ставрополь, 1967, стр. 45—48; Т. Х. К у м ы к о в, К вопросу о возникновении и развитии феодализма у адыгских народов, сб. «Проблемы возникновения феодализма у народов СССР», М., 1969, стр. 191—194.

⁸ М. И. А р т а м о н о в, О происхождении династии Спартокидов, ВДИ, 1949, № 1, стр. 34; В. Д. Б л а в а т с к и й, Киммерийский вопрос и Пантикапей, «Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова», 1954, № 8, стр. 17 сл.; о н ж е, Архаический Боспор, МИА, № 33, 1954, стр. 42; Ш е л о в, Синдские монеты, стр. 214.

⁹ Н. И. С о к о л ь с к и й, К вопросу о синдской скульптуре, сб. «Культура античного мира», М., 1966, стр. 254 сл.

¹⁰ З о г р а ф, ук. соч., табл. XXXIX, 38—40; Ш е л о в, Монетное дело Боспора, табл. II, 23—25. Кроме того, в нашем распоряжении имеется еще одна — четвертая серия синдских монет, состоящая только из мельчайших номиналов. На лицевой стороне их изображена голова быка, на оборотной — голова лошади и надпись ΣΙΝΔΩΝ. Однако Л. Н. Казамазова убедительно выделила эти монеты в число подделок, и по тому мы их не касаемся. См. Л. Н. К а з а м а н о в а, Поддельные синдские монеты, НЭ, IV, 1963, стр. 130. Мы не берем в расчет и известные золотые синдские монеты, которые также относятся к числу подделок, вероятно, изготовленных керченскими ювелирами. См. Ш е л о в, Монеты синдов, стр. 113; К а з а м а н о в а, ук. соч., стр. 133.

¹¹ З о г р а ф, ук. соч., стр. 168 сл.; Ш е л о в, Монеты синдов, стр. 115; о н ж е, Монетное дело Боспора, стр. 45.

¹² З о г р а ф, ук. соч., табл. XXXIX, 2; Ш е л о в, Монетное дело Боспора, табл. II, 21.

помещена надпись ΝΥΝ или ΝΥ в отчетливо вдавленном квадрате на оборотной¹³. Первая самостоятельная чеканка Фанагории появляется чуть позже — на рубеже V—IV вв. до н. э. На лицевой стороне — мужская голова в пилосе влево, на оборотной — протомы или голова быка, перед которыми, как правило, в качестве добавочной эмблемы изображается хлебное зерно и надпись ΦΑΝΑ или ΦΑ¹⁴. Углубленный квадрат на обороте этих монет отсутствует, что и заставляет исследователей относить их к началу IV в. до н. э.

Сравнение синдских монет с одновременными им выпусками перечисленных выше городов указывает на единство технических и стилистических приемов их изготовления. Это сходство было отмечено еще Д. Б. Шеловым¹⁵; оно обнаруживается в материале и фактуре (все монеты представляют собой плоский, чуть вдавленный с оборотной стороны серебряный кружок); в композиции сюжетов на лицевой и оборотной сторонах; в стиле изображений, которые, несмотря на их разность, все без исключения имеют греческий характер; в манере размещения надписей и написании букв вдоль внутреннего верхнего края *quadrati incusi*. Кроме того, все города придерживались единой весовой системы, причем совершенно очевидно, что второстепенные боспорские центры испытали на себе влияние монетного дела Пантикапея. Последнее также в равной степени относится и к синдским монетам. Таким образом, естественно было бы заключить, что и эти монеты по своему характеру представляют типичную городскую чеканку. В этой связи в первую очередь встает вопрос, для кого и где они изготавливались (вернее, о названии города, бывшего центром их чеканки).

Эта проблема, на наш взгляд, остается дискуссионной с момента первой находки монеты с надписью ΣΙΝΔΩΝ на Таманском полуострове в 1829 г. вплоть до сего дня. В то же время надо сказать, что основательно ею никто никогда не занимался. Упомянутая монета с изображением головы Геракла на лицевой стороне и протомой коня на оборотной была опубликована в тифлисской газете и приписана синдам. Однако уже тогда воображение любителей древностей было поражено тем, что столь «прекрасная медаль выбита диким кавказским племенем»¹⁶. Монета была приобретена А. Ашиком и интерпретирована им как синдская. Он допускал существование собственной чеканки у племени синдов, которыми управляли цари, подвластные Боспору¹⁷. Позже П. О. Бурачков при составлении каталога античных монет отметил, что нельзя разделять монеты с надписью ΣΙΝΔΩΝ и ΓΟΡΓΙΠΠΕΩΝ¹⁸. Правда, в то время П. О. Бурачков не мог правильно датировать эти монеты и, равным образом, не знал, где расположены развалины города Горгиппии. Однако из сведений древних авторов ему было известно, что Горгиппия находится в стране синдов и называется их царской резиденцией. Исходя из этого, П. О. Бурачков полагал, что город первоначально мог иметь два названия, подобно Пантикапею, называвшемуся иногда Боспором, и что впоследствии название города было изменено на «Синдон» (теперь можно считать доказанным обратное). Сходным было мнение В. В. Шкорпила: в его представлении Горгиппия выступала в качестве главного города Синдикки, получившего право чеканить монеты с надписью ΣΙΝΔΩΝ во время правления Левкона, т. е. во второй четверти IV в. до н. э.¹⁹

В послевоенное время исследователи, специально занимавшиеся изучением синдских монет, неоднократно ставили вопрос о месте их чеканки. Так, А. Н. Зограф вы-

¹³ Зограф, ук. соч., табл. XXXIX, 6—8; Шелов, Монетное дело Боспора, табл. II, 20.

¹⁴ Зограф, ук. соч., табл. XXXIX, 43—45; Шелов, Монетное дело Боспора, табл. II, 26—28.

¹⁵ Шелов, Монетное дело Боспора, стр. 54, 73 и 76.

¹⁶ «Новые нумизматические открытия», газ. «Тифлиссские ведомости», 1829, № 5.

¹⁷ А. Ашик, Боспорское царство, ч. 1, Одесса, 1848, стр. 14.

¹⁸ П. О. Бурачков, Общий каталог монет, принадлежащих эллинистическим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, ч. 1, Одесса, 1884, стр. 175.

¹⁹ В. В. Шкорпил, Новонайденные боспорские надписи, ИАК, вып. 63, 1917, стр. 110. Предложенная в этой статье датировка синдских монет в настоящее время специалистами отклонена. См. Шелов, Монетное дело Боспора, стр. 45.

сказал предположение о производстве синдского серебра в Синдской Гавани или, что еще более вероятно, в Фанагории. Тем самым, как он полагал, можно было объяснить отсутствие более ранних фанагорийских монет²⁰. Не возражал против такой возможности и Д. Б. Шелов. С его точки зрения, мнение А. Н. Зографа заслуживает внимания. Присоединение Синдики к Боспорскому государству Д. Б. Шелов относит, как нам кажется, справедливо, к 80-м годам IV в. до н. э., а выпуск всех серий синдских монет к более раннему времени — последней четверти V в. до н. э.²¹ Против «фанагорийской» версии выступил В. П. Шилов, полагавший, что невозможно представить наличие в Фанагории монетного двора, созданного специально для синдсов задолго до того, как город начал выпуск собственной монеты²². В самом деле, такое положение выглядело бы по меньшей мере странным. Однако вопрос о месте изготовления синдских монет В. П. Шилов оставил открытым.

Между тем еще А. В. Орешников приписывал выпуск серебряных монет с надписью ΣΙΝΔΩΝ городу Синдской Гавани, считая его главным городом Синдики, переименованным впоследствии в Горгишию²³. Правда А. В. Орешников, опираясь на данные письменных источников, признавал наличие государства (или, вернее, монархической формы правления) у синдсов. Однако в легенде он видел название города Синда или Синдской Гавани, а отнюдь не племенное наименование. При этом он подчеркивал, что монеты чеканены подобно тому, как это было на Боспоре до III в. до н. э., — от имени народа²⁴, т. е., иными словами, городской общины. К сожалению, приходится отметить, что мысль А. В. Орешникова не нашла развития в специальной литературе.

Иное толкование синдским монетам было предложено Д. П. Каллистовым. Он отрицает существование самостоятельной чеканки у синдсов в конце V в. до н. э. и считает, что монеты были выпущены одним из греческих городов в связи с какими-то политическими целями боспорских правителей²⁵. Высказывание Д. П. Каллистова вызвало возражения Д. Б. Шелова, который утверждал, что эти монеты были выпущены не одним, а в одном из греческих городов, скорее всего, в Фанагории, подобно тому как монеты скифского царя Фарзоя чеканились на монетном дворе Ольвии²⁶.

Точка зрения Д. П. Каллистова была поддержана Л. И. Лавровым в докладе «Об общественном строе населения Прикубанья в античный период», прочитанном на заседании группы античной археологии в ЛОИА АН СССР в 1961 г., но, к сожалению, не опубликованном. Спустя 10 лет Л. И. Лавров выступил еще раз по данному вопросу²⁷. Он предложил пересмотреть распространенные в литературе мнения о существовании у синдсов государства, развитого рабовладения, торговли как основы их экономики, а также собственных денег. Л. И. Лавров убедительно доказал, что исследователи путем логических построений и умозаключений, отбросив массу ими же высказанных сомнений и противоречий, создали целую систему гипотез. Со временем эти гипотезы стали восприниматься как аксиомы, хотя никаких новых данных для доказательств не появилось. Источник до сих пор остается прежний — спорные монеты с надписью ΣΙΝΔΩΝ.

А. И. Болтунова при публикации проксенической надписи, найденной в Анапе, также выступила против устоявшейся точки зрения относительно происхождения синдских монет. В отличие от своих предшественников она обратила внимание на мнение

²⁰ Зограф, ук. соч., стр. 169 сл.

²¹ Шелов, ук. соч., стр. 49.

²² Шилов, Синдские монеты, стр. 215.

²³ А. В. Орешников, Этюды по нумизматике черноморского побережья. ИРАИМК, II, 1922, стр. 122.

²⁴ Там же, стр. 125.

²⁵ Д. П. Каллистов, Очерки по истории Северного Причерноморья в античную эпоху, Л., 1950, стр. 150—153.

²⁶ Шелов, Монетное дело Боспора, стр. 43.

²⁷ Л. И. Лавров, Назревшие вопросы социальных отношений на докапиталистическом Кавказе, «Тезисы докладов, прочитанных на Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 году», Тбилиси, 1971, стр. 59 сл.

А. В. Орешникова по данному вопросу, отметив при этом, что нам неизвестны монеты, выпускавшиеся племенами Северного Причерноморья от имени народа ²⁸. Тем не менее столь важное замечание до сих пор не получило отклика в литературе.

Действительно, если взять все имеющиеся в научном обращении так называемые племенные монеты, выпускавшиеся «варварскими» народами, населявшими обширные территории Северного, Западного и Восточного Причерноморья, то нетрудно заметить, что все они, начиная с последней четверти V в. до н. э., чеканились от имени вождей или царей ²⁹. И только иногда, в качестве дополнения к легенде, ставилось сокращенное название города, в котором они чеканились ³⁰. В то же время монеты греческих городов выпускались только от имени народа, т. е. гражданской общины города. В этом отношении мы солидарны с мнением А. И. Болтуновой ³¹. Что касается монетного дела Боспорского государства, то оно имело свои особенности и сложившиеся традиции, а именно, несмотря на двойственный характер власти династии Спартокидов, правители которой с IV в. до н. э. одновременно именовали себя архонтами боспорских городов и царями по отношению к подвластным «варварским» народам, в основе денежного обращения Боспора долгое время лежала автономная городская монета, а отнюдь не царская. Тем самым, как заметил К. В. Голенко, подчеркивалось традиционное представление о природе царской власти на Боспоре — власти архонта ³².

Первый царский выпуск на Боспоре появляется лишь в третьей четверти III в. до н. э. при Левконе II, который ставит на монетах свое имя и титул базилевса. Кроме того, нам известны более поздние золотые и серебряные монеты, битые от имени архонтов и царей Боспора — Гигиенонта, Спартока и Перисада. Они нашли достаточное отражение в литературе, и мы не будем на них останавливаться ³³. Отметим лишь то обстоятельство, что перечисленные денежные знаки представляют собой редкие экземпляры крупных номиналов, выпускавшиеся боспорскими правителями по лисимаховским образцам, очевидно, со специальными внутриполитическими целями. На внутреннем боспорском рынке в это время по-прежнему господствовала автономная городская монета. Таким образом, можно считать, что это исключение из правила в целом нашей точке зрения не противоречит.

Таким образом, возвращаясь к синдским монетам, приходится заключить, что в надписи ΣΙΝΔΩΝ нельзя видеть этникон племени синдов. Скорее всего, в этой легенде следует читать этникон граждан города Синдской Гавани, Синдика, или, как его еще называли, Сида. Разумеется, мы исходим из тождества этих названий и Горгишнии ³⁴.

²⁸ А. И. Болтунова, Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора, ВДИ, 1964, № 3, стр. 140.

²⁹ См. Н. А. М у ш м о в, Античные монеты на Балканском полуострове и монеты на болгарските царя, София, 1912, стр. 331, №№ 5689—5690; В. А. А н о х и н, Монеты скифского царя Атея, НСФ, 2, Киев, 1965, стр. 3; А. В. Орешников, О монетах скифских царей с именем города Ольвии, ЗРАО, IV, стр. 14; Н. А. Ф р о л о в а, Монеты скифского царя Скилура, СА, 1964, № 1, стр. 50 сл. и др.

³⁰ Мы не останавливаемся на монетах с названиями южнофракийских племен деронов, орресков, бизалтов и т. д. Эти выпуски относятся к более раннему времени — к рубежу VI—V вв. до н. э. По существу они мало изучены, некоторые типы спорны в отношении подлинности и пока относятся исследователями к числу уникальных явлений в истории монетного дела. Наиболее подробно об этих монетах см. Т. Д. З л а т к о в с к а я, Проблемы становления государственной власти у южнофракийских племен, сб. «Разложение родового строя и формирование классового общества», М., 1968, стр. 291 сл.

³¹ Болтунова, ук. соч., стр. 147.

³² К. В. Голенко, Еще о монетах, приписываемых Савмаку, ВДИ, 1963, № 3, стр. 71.

³³ Д. Б. Ш е л о в, Денежная реформа Левкона II, ВДИ, 1953, № 1, стр. 35 сл.; он же, Монетное дело Боспора, стр. 151 сл.; Голенко, ук. соч., стр. 72.

³⁴ Ссылки на литературу по данному вопросу приведены у А. И. Болтуновой (ук. соч., стр. 145). Недавно И. Т. Кругликова заметила, что безоговорочно такое тождество в настоящее время принять нельзя (И. Т. К р у г л и к о в а, Горгишния в эпоху Спартокидов, ВДИ, 1971, № 1, стр. 90).

К этому следует добавить, что уже в V в. до н. э. в греческих надписях городских монет появляется полное наименование вместо применяемого ранее сокращенного. Причем самой распространенной формой становится этникон в родительном падеже множественного числа (ΑΜΦΙΠΟΛΙΤΩΝ, ΚΑΤΑΝΙΩΝ и т. д.), т. е. монеты выпускаются от имени членов городской общины. Эта форма, как отмечает А. Н. Зограф, остается общепринятой на монетах греческих городов, сохранявших свою автономию, в течение всего эллинистического и императорского периодов³⁵. Вероятно, такую же форму представляет и надпись ΣΙΝΔΩΝ, т. е. чекан жителей города Синды (Σινδοί). Правда, на Боспоре полная форма легенды — ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ, ΓΟΡΓΙΠΠΙΕΩΝ — появляется позднее — лишь в начале II в. до н. э.³⁶ Тем не менее и в ранних сокращенных вариантах надписей всегда подразумевается форма родительного падежа множественного числа. Так, например, на монетах Пантикапея число букв с течением времени увеличивалось — ΠΑ, ΠΑΝ, ΠΑΝΤ, ΠΑΝΤΙ, однако смысл надписи оставался неизменным. Последняя наиболее пространная форма из пяти букв фигурирует на одновременных синдским монетах, легенда которых состоит из шести букв. То же количество имеется на упоминавшихся уже феодосийских выпусках — ΘΕΟΔΕΟ. Не исключена возможность, что в отличие от других боспорских городов с длинными наименованиями краткость названия города Синды позволила использовать полную форму в то время, когда это явление не стало еще общепринятым.

В пользу городского происхождения монет с надписью ΣΙΝΔΩΝ говорит еще один аргумент. Если обратить внимание на номиналы монет, выпущенных в разное время от имени племенных вождей или царей Причерноморья, то нетрудно заметить наличие среди них только крупных весовых стандартов, главным образом статовров, иногда драхм. В то же время в чеканке боспорских городов VI—IV вв. до н. э. явно преобладают мелкие номиналы — в основном весом в диобол и меньше. Этот факт свидетельствует прежде всего о том, что цель и назначение указанных выпусков были различными. Городская мелкая разменная монета была необходима для практического применения на внутреннем рынке. Редкие же царские выпуски, скорее всего, служили донативами. Именно поэтому, надо полагать, в них так явно выступает постоянное заимствование сюжетов и стили из греческих монетных типов.

Косвенным доказательством принадлежности синдских монет городу может служить еще одно немаловажное обстоятельство. Принято считать, что начало выпуска автономной монеты второстепенными боспорскими городами было обусловлено экономическими причинами — расцветом торговых отношений внутри государства и за пределами его³⁷. В этой связи хотелось бы обратить внимание на то, в каких пунктах выпускались деньги помимо Пантикапея и что способствовало этому. Оказывается, к числу таковых принадлежат только крупные центры Боспора, игравшие до некоторой степени самостоятельную роль во все времена его существования — Феодосия, Нимфей, Фанагория и Горгиппия, бывшая Синдская Гавань³⁸. Фанагория, как известно, была второй столицей Боспорского государства в его азиатской части. Феодосия и Горгиппия служили наиболее отдаленными опорными пунктами на западной и восточной окраинах его. История показывает, что именно эти города конкурировали с Пантикапеем в V — начале IV в. до н. э., а затем неоднократно пытались утвердить свое право на автономию и суверенность путем очередного выпуска монеты. Исключение составляет лишь Нимфей, который после присоединения к Боспору в начале IV в. до н. э. потерял свою независимость и никогда больше не чеканил собственных денег. В значительной

³⁵ Зограф, ук. соч., стр. 79.

³⁶ Там же, табл. XLII, 1—6; табл. XLIII, 5, 7—9, 11 и др.

³⁷ Д. Б. Шелов, Монетная система городов Боспора в VI—V вв. до н. э., МИА, № 19, 1951, стр. 133.

³⁸ В боспорской нумизматике известны монеты, приписанные исследователями Аполлонии и Мирмекию и датированные первой половиной V в. до н. э. Однако первые вызывают большие споры и сомнения ввиду отсутствия города с таким названием в источниках; вторые — с эмблемой муравья — также не могут быть отнесены безошибочно к Мирмекию. См. В. Ф. Гайдукевич, Мирмекий, Варшава, 1959, стр. 6.

степени, вероятно, этому способствовало расположение Нимфея в непосредственной близости от столицы. Пантикапей мог легко контролировать поведение нимфейских властей и погасить любую попытку к самоопределению. Феодосийская чеканка, повторно возникшая в третьей четверти III в. до н. э., совпадает по времени с борьбой Левкона II против Гераклеи Понтийской. На рубеже III и II вв. до н. э. возобновляет денежный выпуск Фанагория и закрепляет за собой это право на протяжении всего II в.³⁹ В этот период наблюдается постепенное ослабление центральной власти на Боспоре, завершившееся в конце столетия падением династии Спартокидов. Неудивительно поэтому появление в последней четверти II в. до н. э. серебряной чеканки в Фанагории и Горгишпии, превосходящей по качеству одновременные монеты Пантикапея.

Таким образом, тенденция к возрождению полисной самостоятельности у названных выше городов выступает всякий раз, когда обостряется политическая ситуация в государстве. Очевидно, нечто подобное происходило и в последней четверти V в. до н. э. — в эпоху смены династии на Боспоре и становления власти Спартокидов. Первые правители этой фамилии — Сатир и Левкон — вели упорную целенаправленную войну за захват соседних земель, за расширение и окончательное утверждение границ Боспорского царства, включая Феодосию на западе и Синдику вместе с Синдской Гаванью на востоке. Несмотря на успешное завершение этой борьбы, политическая обстановка на Боспоре была, несомненно, тревожной и напряженной. В условиях разобщенности городов актуальность денежной проблемы становилась особенно очевидной. Наиболее сильные центры, достигшие определенной политической и экономической зрелости, оказались способными организовать выпуск собственной монеты, необходимой для обращения на внутреннем рынке.

На первый взгляд, такая постановка вопроса противоречит общепринятому мнению о том, что Феодосия, Нимфей, Фанагория и синды имели свои денежные знаки только в период их самостоятельности, т. е. до присоединения их к Боспору в первой половине IV в. до н. э. Однако никто из исследователей не отрицает и того факта, что в период абсолютной автономии между отдельными городами существовали давние экономические связи. Они выражались, в первую очередь, в общности монетного дела городов Боспора при полной зависимости их от Пантикапея.

Более того, археологические свидетельства позволяют говорить о том, что монеты, выпущенные в одном городе, имели хождение на рынке другого, независимо от их расположения в европейской или азиатской части Боспорского государства⁴⁰. Таких данных немного, но с ними приходится считаться. Находка синдской монеты в Мирмекии может служить ценным дополнением к имеющимся в нашем распоряжении сведениям. В этой связи примечательно и то, что все документированное боспорское серебро V в. до н. э. обнаружено исключительно при раскопках городов. Мы не знаем ни одного зарегистрированного случая находки синдской монеты, так же как и монеты любого другого города, на территории самой Синдики. Все это лишний раз свидетельствует об обращении иногородних монет только в пределах городских общин.

Итак, мы склонны считать интересующие нас монеты не племенной чеканкой с индов, а автономным выпуском греческого города Синдской Гавани — Горгишпии. Такой подход к ним дает возможность снять ряд непоцятных вопросов, необъяснимых противоречий и запутанных проблем, которые возникли в толковании многих положений истории азиатской части Боспора и Боспорского государства в целом. Прежде всего, очевидно, требует пересмотра проблема существования развитого греко-синдского государства в V в. до н. э., т. е. в тот период, когда само Боспорское государство еще не сложилось в окончательном виде. Исчезнет необходимость искать несуществующие доказательства тому, почему боспорский город Горгишпия, возникнув на месте синдского поселения, вскоре совершенно утратил самобытные корни и стал типичным гре-

³⁹ К. В. Г о л е н к о, Монеты из случайных находок в Патрее, ВДИ, 1952, № 3, стр. 149; Д. Б. Ш е л о в, Автономные монеты боспорских городов как исторический источник, «Археология и история Боспора», I, Симферополь, 1952, стр. 151; о н ж е, Монетное дело Боспора, стр. 174.

⁴⁰ Ш е л о в, Монетное дело Боспора, стр. 80 сл.

ческим городом с твердыми традициями метрополии. Снимутся явные натяжки в объяснении какой-то необыкновенной эллинизации синддов, будто бы достигших высокого развития не только в сравнении с другими соседними племенами, но и с населением боспорских городов, в частности Пантикапея.

Несколько слов следует сказать и об интерпретации некоторых сюжетов синдских монет. Так, например, голова коня и зерно обычно трактуются как отражение природных условий и хозяйственной стороны жизни синдского населения — кочевого образа жизни и развитого земледелия. При этом отмечается, что нет никаких оснований связывать изображение головы коня с культом, так как нам ничего не известно о религиозных представлениях синддов ⁴¹. Не говоря о том, что это доказательство неубедительно, трудно представить себе одновременное процветание двух различных хозяйственных укладов жизни на столь небольшой территории, как Синдика.

В этой связи любопытно и то обстоятельство, что образцы, по которым отбивались «синдские» монеты, специалисты находят не в Пантикапее, а в отдаленных центрах Средиземноморья — Гераклее Понтийской, Кизике, Теосе, Абдере, Афинах и т. д. Исходя из этого, следовательно, надо признать, что синдды были связаны не столько с соседним Боспором, сколько с заморскими греческими городами. Последнее совершенно невероятно, недоказуемо и явно противоречит общим историческим условиям.

Кроме того, сама идея показать в монетном типе города наиболее характерную его хозяйственную особенность появилась на Боспоре значительно позже — в IV в. до н. э., именно в тот период, когда Боспорское государство стало играть крупную роль в жизни греческого мира, оказавшись основным поставщиком хлеба для городов собственно Греции, и в первую очередь Афин. Хлебопашество и рыболовство стало основой его экономики. В связи с этим на фанагорийских монетах появляется изображение зерна, а на пантикапейских — колоса и осетра.

В V в. до н. э. боспорская монетная типология отражает скорее религиозную сферу жизни, чем хозяйственную. Непонятно, почему некоторые изображения на «синдских» монетах необходимо толковать как результат оригинальной самобытной идеи, родившейся у племен. Ведь изображение головы барана на пантикапейских монетах или головы быка — на феодосийских вовсе не означает, что в хозяйстве столицы главную роль играло разведение овец, а в Феодосии — крупного рогатого скота. Точно так же, как виноградную лозу, помещенную на реверсе нимфейских монет, по справедливому замечанию Д. Б. Шелова ⁴², нельзя связывать с развитым виноградарством, ибо по всем данным эта отрасль хозяйства появляется на Боспоре значительно позже — в III—II вв. до н. э.

Синдды, безусловно, играли большую роль в истории Боспорского государства, но прежде всего в силу своего географического положения. На их земле были основаны греческие города, с которыми они имели тесные выгодные контакты и благодаря чему подверглись влиянию эллинской культуры. На каких-то этапах истории синдды, в свою очередь, несомненно, оказывали воздействие на культуру Боспорского государства. Это вопрос очень сложный, требующий свежего осмысления старых и вновь найденных археологических материалов, однако этому мешает прежний подход к так называемым «синдским» монетам. Исследователи сделали попытку доказать существование у синддов собственной монетной чеканки и на этом основании постулировали наличие у них государства, не имея других к тому доказательств. Интересная идея вскоре стала восприниматься как несомненный факт. Тем не менее если рассматривать «синдские» монеты как автономный выпуск греческого города Синдской Гавани — Горгишнии, то создававшаяся сложная картина истории Боспора в эпоху первых Спартокидов может стать более логичной и убедительной.

Н. Л. Грач

⁴¹ Зограф, ук. соч., стр. 168; Шелов, Монеты синддов, стр. 112; Шелов, Синдские монеты, стр. 208.

⁴² Шелов, Монетное дело Боспора, стр. 32 сл.

SINDIAN COIN FROM MIRMECIUM

by N. L. Grach

According to an opinion widely reflected in the modern literature, in the last quarter of the V century B. C. the Sindi—a tribe which inhabited the Taman Peninsula—minted their own coins. This view led to further notions about the high level of economic, social and cultural development of the Sindi and the existence of a Sindian state.

In the author's opinion the inscription ΣΙΝΔΩΝ is not the ethnicon of the Sindian tribe but refers to the citizens of Sindian Harbour, later renamed Gorgippia, and the coins in question represent an autonomous issue of that city. The coins assigned to the Sindi are of exactly the same type as the Bosporan coinage of the same period, whereas the typical coinage of the Black Sea tribes is issued in the names of their rulers, not of their communities, and in large rather than small weight-units. Moreover Bosporan numismatics has its own traditions. In particular, autonomous issues were struck in local centres only occasionally, as a rule in periods marked by some special political circumstance. This suits the case of Gorgippia, and in these coin issues the author sees deliberate emphasis on the ties of succession connecting Gorgippia with Sindian Harbour. Reassignment of the Sindian coins makes it possible, in the author's opinion, to resolve certain contradictions which have beset the interpretation of some moments in the history of the Bosporan kingdom.

ЗАМЕТКИ О МЕДНЫХ БОСПОРСКИХ МОНЕТАХ III в. до н. э.

Боспорские медные монеты, относящиеся ко времени «денежного кризиса III в. до н. э.», не раз служили предметом специального изучения в работах советских исследователей¹. Кризисные явления, выразившиеся в деградации монет основного типа, в многочисленных перечеканках и надчеканках меди, при вероятном отказе от выпуска в разгар кризиса монет из благородных металлов, отчетливо прослеживаются в пантикапейском чекане. Как показал П. О. Карышковский², аналогичные явления, но в менее яркой форме, имели место и в монетном деле Ольвии III в. до н. э.

Исследование боспорских монет III в. до н. э., начатое в работах А. Н. Зографа³, было развито затем в ряде статей Д. Б. Шелова⁴ и других авторов. Можно смело сказать, что в советской нумизматической литературе вопрос о боспорской меди III в. до н. э. принадлежит к наиболее разработанным. В исследованиях рассматриваются три основные проблемы, связанные между собой: причины кризиса, абсолютная хронология всех или отдельных этапов кризиса, относительная последовательность тех или иных эмиссий. Многообразие материалов и различные аспекты их изучения не позволяют считать эти проблемы исчерпанными. Свидетельством тому могут служить две новые статьи, вышедшие одновременно⁵. Первая, принадлежащая автору данных заме-

¹ Полная библиография предмета приведена в цитируемых ниже работах Д. Б. Шелова и П. О. Карышковского.

² П. О. Карышковский, Из истории денежного обращения в Северном Причерноморье в III в. до н. э., ЗОАО, I (34), 1960, стр. 112 слл.

³ А. Н. Зограф, Мирмекийский клад монет III в. до н. э., найденный в 1934 г., МИА, № 4, 1941, стр. 152 слл.; о нем же, Античные монеты, МИА, № 16, 1951 (далее — АМ), стр. 171 слл.

⁴ См., например, Д. Б. Шелов, Чекачка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э., МИА, № 33, 1954, стр. 58 слл.; о нем же, Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э., М., 1956, стр. 107 слл.

⁵ К. В. Голенико, К хронологии некоторых медных монет Боспора III в. до н. э., НЭ, VIII, 1970, стр. 17 слл.; Н. А. Фролова, О денежном обращении Боспора в III в. до н. э., СА, 1970, № 4, стр. 33 слл.